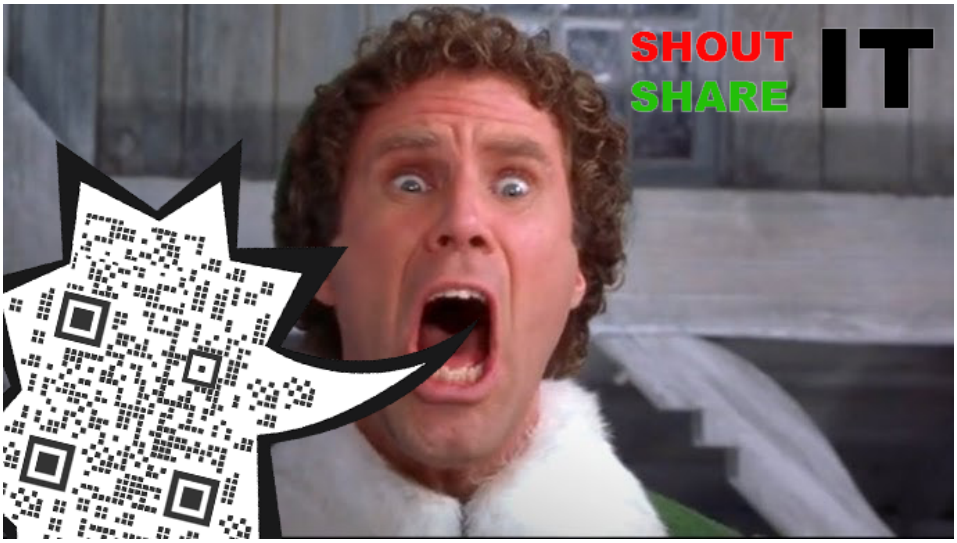
ФАНТАСТИКА
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

КЕН ЛЮ, ПАОЛО БАЧИГАЛУПИ, НЭНСИ КРЕСС,
ДЭВИД ВЕЛЛИНГТОН, ДЖЕЙК КЕРР,
УИЛЛ МАКИНТОШ, ДЖЕК МАКДЕВИТ
И ДРУГИЕ

ХАОС НА ПОРОГЕ

РЕДАКТОРЫ ДЖОН ДЖОЗЕФ АДАМС И ХЬЮ ХАУИ


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Кен Лю – автор и переводчик, а также юрист и программист. Его произведения появлялись в таких журналах, как «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», «Asimov's», «Analog», «Clarkesworld» и т. д., а также публиковались в престижных антологиях «Year's Best SF», «The Best Science Fiction» и «Fantasy of the Year». Обладатель премий «Хьюго», «Небьюла» и «World Fantasy Award». Живет с семьей возле Бостона.

Рассказ опубликован в сборнике «Хаос на пороге».

- Содержание
  - ○
  - ○
- notes
  - ○ 1

Содержание

Кен Лю

Богов не сковать цепями

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Худший момент дня – вернувшись из школы, Мэдди включила компьютер. Когда-то она души не чаяла в старом громоздком ноутбуке, доставшемся от отца. Буквы на кнопках стерлись от времени, превратившись в загадочные иероглифы, то одно, то другое постоянно приходилось обновлять, но это было окно в большой мир, которое расширяло узкие рамки повседневности и позволяло общаться с далекими друзьями. Отец научил Мэдди разговаривать с умной машиной, отдавать ей команды на ее языке, и та послушно исполняла все, что ей приказывали. Девочка чувствовала себя такой умной, когда папа похвалил ее способности. Они вместе управляли электронным мозгом – это было так здорово! Тогда мечталось – вот вырасту и стану сама их создавать, совсем как…

Мэдди оборвала себя. Вспоминать об отце еще слишком больно.

Всплывшие иконки электронной почты и мессенджера показали наличие новых сообщений. Сердце екнуло. Глубоко вдохнув, Мэдди щелкнула по первому значку и пробежала глазами письма – одно от бабушки и два объявления о скидках из онлайн-магазинов. Еще дайджест новостей, составленный с папиной помощью и автоматически отслеживавший интересующие обоих темы. После смерти отца стереть его не хватило духу.

Сегодня

*** Аномальный всплеск на рынке объясняют результатом действия сверхбыстрых алгоритмов продаж**

*** По мнению Пентагона, в дуэли летчика и беспилотника победит машина**

*** Институт сингулярности: наступает эпоха бессмертия**

*** Согласно опасениям экспертов, загадочный компьютерный вирус может передаваться с динамиков на**

микрофоны

Мэдди медленно выдохнула. От *тех* ничего.

Она открыла бабушкино письмо. Фотографии садика: пьющая из поилки колибри; первые крохотные зеленые помидорчики на ветках, похожие на нефритовые горошины; Бэзил в конце дорожки неистово машет хвостом, уставившись на какую-то машину за забором.

Вот и весь мой день. Надеюсь, у тебя в новой школе тоже все хорошо.

Мэдди улыбнулась, глаза у нее повлажнели. Она смахнула слезы и начала писать ответ:

Я скучаю по тебе.

Вот бы вернуться сейчас туда, в домик на краю маленького городка в Пенсильвании. Пусть школа там совсем крохотная и не дает достаточной подготовки, но зато Мэдди всегда чувствовала себя в безопасности. Кто же знал, что восьмой класс в новой обернется таким испытанием?

У меня неприятности с некоторыми девочками в школе.

Это началось в первый же день. С подачи надменной красавицы Сьюзи, королевы школьного двора, против новенькой ополчились буквально все. Мэдди пыталась исправить положение, выяснить, чем вообще заслужила такую немилость, но становилось только хуже. Все, что бы она ни делала, немедленно подвергалось осмеянию и издевкам. И одевается она не так, и говорит… То слишком много улыбается, то слишком мало. Мэдди подозревала, что ненависть Сьюзи, как у многих деспотичных властителей, не имела под собой рационального объяснения. Ей просто нравилось травить беззащитную жертву и то, как верные клевреты угодливо включаются в травлю. У Мэдди уже развилась паранойя, любое проявление дружелюбия казалось ловушкой – ослабишь защиту, и тебя ранят побольнее.

Лучше бы мы остались с тобой.

Но маме предложили здесь хорошую работу, и как было отказаться? Папа умер два года назад, нельзя же вечно жить у бабушки. Мэдди стерла написанное. Только волновать зря. Еще

позвонит маме, та пойдет в школу, и все станет еще хуже, даже представлять не хочется. Какой смысл заставлять других переживать, если они не могут помочь?

В школе все нормально. Мне нравится.

Ложь заставила почувствовать себя сильнее. Первый признак взросления – скрывать от близких то, что может их ранить.

Отправив письмо, Мэдди увидела, что пришло еще одно. С темой «Правда глаза колет?». Сердце заколотилось. Может, не открывать? Но если просто удалить, не читая, получится, что они победили. Что она на самом деле слабачка.

Мэдди щелкнула мышкой.

Ты такая уродина! Наверное, хочешь покончить с собой, только смелости не хватает? А зря!

К сообщению была прикреплена фотография, снятая на мобильный, – Мэдди бежит по коридору на перемене: глаза выпучены, взгляд какой-то ненормальный, нижняя губа прикушена. Состояние у девушки было тогда под стать – от ощущения полного одиночества все внутри будто узлом завязалось. Снимок еще и отфотошопили – вместо носа пятачок, и уши тоже свиные. Мэдди вспыхнула – она очень стеснялась своей полноты. Такой дешевый прием и такой безотказный. Они видят ее насквозь.

Какая-то из «фрейлин» Сьюзи решила выслужиться. Мэдди представила себе, как губы той искривляются в высокомерно-жестокой усмешке: «Отлично получилась наша Хрюшка». Из-за потока издевок пришлось забросить общение в социальных сетях. Просто стирать комментарии не вышло – на месте одного удаленного появлялись два других. Занести же кого-то в черный список означало расписаться в собственной слабости, дать понять, что им удалось задеть жертву за живое. Оставалось только терпеть. Конечно, это всего лишь слова, но до сих пор виртуальный мир, мир битов и электронов, цифровых изображений и файлов приносил Мэдди только радость. Он настолько вошел в ее жизнь, что девочка привыкла считать его практически частью себя. Поэтому ей было теперь так больно. Забравшись в кровать, она плакала, пока не уснула.

* * *

Мэдди недоуменно уставилась на экран, где выскочило окно с сообщением от неизвестного отправителя. Совсем неизвестного – никакого имени или ника. Она вообще первый раз такое встречала. Что им еще от нее нужно? Лишний раз унизить из-за того письма? Если просто промолчать, это тоже будет признаком слабости? Мэдди нехотя начала тыкать в кнопки клавиатуры.

Да, я видела. И что?

Мэдди нахмурилась. В замешательстве? Не знает, что сказать? Не может говорить? Ладно, подыграем. Почему, интересно, из всех вариантов таинственный собеседник выбрал именно эмодзи? В ином случае она, может быть, и не стала бы продолжать этот странный диалог, но смешные рожицы и картинки рождали в ней теплые воспоминания. Когда-то они с папой составляли из них целые ребусы и отправляли друг другу по телефону, соревнуясь, кто быстрее отгадает.

– выбрала она со всплывающей панели.

– откликнулся незнакомец, которого Мэдди про себя уже назвала «Эмо».

Маска гнева? В каком смысле? Но следом тут же появилась еще одна пиктограмма:

Мэдди рассмеялась. Похоже, Эмо все-таки настроен дружелюбно. Да, из-за того письма ей было дерьмово:

В ответ пришло:

Легко сказать. Хотелось бы ей, чтобы слова отскакивали от нее, причиняя не больше вреда, чем тлеющие искорки неколебимо стоящей каменной скале. Мэдди снова открыла панель:

Ответ:

Что бы это могло значить? «Зонтик от дождя». Защита? Что ты хочешь предложить, Эмо?

В ответ появилось:

Как-то это подозрительно. Кто он все же?

Ответ пришел через несколько секунд:

* * *

На следующий день Сьюзи сидела за партой будто на иголках и вообще была сама не своя. Всякий раз, как ее телефон начинал вибрировать, она хватала его, судорожно тыкала пальцем в экран и вспыхивала. На ее лице застыла смесь страха и злости – очень знакомое Мэдди выражение. Когда Эрин, одна из ближайших подружек Сьюзи, спросила, что с ней, та ответила лишь подозрительным взглядом исподлобья и отвернулась.

К четвертому уроку такой же загнанный вид был у всех, кто доставал Мэдди. У каждой во взгляде читалось: «А-а-а, меня никто не любит! Все меня ненавидят!», взаимные обвинения летали туда-сюда по классу; на переменках девчонки сбивались стайками и перешептывались, потом голоса вдруг переходили на крик, и группа распадалась. Некоторые убегали в туалет и возвращались с красными глазами. О Мэдди за весь день никто даже не вспомнил.

* * *

Мэдди рассмеялась. Танцующие девушки, и правда, слегка напоминали Сьюзи и Эрин. Дальше понятно – все друг с другом на ножах, каждая обвиняет другую, ужас-кошмар…

Мэдди кивнула. Конечно. Если Эмо может вот так без приглашения появиться у нее в компьютере, ему не составило труда отследить всех, кто писал ей гадости, и дать им попробовать собственное лекарство. Он просто перенаправил сообщения, предназначавшиеся Мэдди, между самими отправителями, а всеобщая паранойя и неуверенность друг в друге довершили дело. Тонкие нити, связывавшие подружек, оказалось куда как просто спутать.

Мэдди была преисполнена счастливой благодарности:

– пришло в ответ.

Но она все еще не знала, почему Эмо ей помогает.

– набрала она.

– ответил тот.

Мэдди не поняла.

После паузы выскочило еще три пиктограммы:

Девочка, потом женщина…

– Ты знаешь маму?! – вслух удивилась она. Дело оборачивалось совсем неожиданно.

– О ком ты? – раздался сзади бодрый приязненный голос. – Кто меня знает?

Мэдди повернулась на стуле – мама стояла в дверях.

– Ты сегодня рано… – проговорила девочка с вопросительной интонацией.

– В офисе что-то случилось с компьютерами. Работать все равно невозможно, вот я и решила уйти домой. – Войдя, она присела на кровать. – С кем ты разговариваешь?

– Так, ни с кем… Просто в чате.

– Но имя у него есть?

– Я не знаю… он… в общем, помог мне кое с чем.

Нужно было сообразить, что на такой ответ в голове у мамы сразу сработает тревожная сигнализация. Мэдди даже пикнуть не успела, как мама согнала ее с кресла и сама села за клавиатуру.

Кто ты такой и какого черта тебе нужно от моей дочери?!

Повисшая пауза в диалоге, казалось, только подтвердила ее худшие опасения.

– Мам, ну это смешно! Ничего такого не было, честное слово.

– «Ничего такого»? – Она ткнула пальцем в экран. – Тогда почему здесь одни только пиктограммы?

– Это называется «эмодзи». У нас что-то вроде игры…

– Ты представить себе не можешь, как опасно…

Обе замолчали. Мама недоуменно уставилась на экран, потом напечатала:

Что?

– Он так не ответит, надо через эмодзи.

Мама с каменным лицом щелкнула мышкой по иконке:

Последовала еще более длинная пауза, потом на экране появилась целая строка пиктограмм:

– Какого?.. – пробормотала мама и вдруг пораженно выругалась. Целая гамма эмоций отразилась на ее лице – шок, глубокая печаль, неверие, злость. Мэдди могла по пальцам пересчитать, когда слышала от нее грубое слово. Происходило что-то из ряда вон выходящее.

Заглядывая через плечо, Мэдди попыталась расшифровать послание:

– «Что губы?»… «Мужские губы»…

К ее удивлению, маме ее помощь не потребовалась.

– Там написано: «Чьи губы мои губы целовали, и где, и почему…»[1]

Дрожащей рукой она щелкнула по другой пиктограмме:

Окно чата, мигнув, закрылось. Экран был пустым. Мама осталась сидеть перед ним неподвижно. Мэдди осторожно коснулась ее плеча.

– Что с тобой? Что все это значит?

– Я не знаю, – ответила та, больше себе, чем дочери. – Такого не может быть. Просто не может.

* * *

Мэдди на цыпочках прошла к двери. Мама заперлась у себя час назад и не выходила. Сперва из спальни слышались всхлипы, потом стихли и они. Девочка прижалась к створке ухом.

– Будьте добры доктора Питера Ваксмана, пожалуйста, – раздался приглушенный мамин голос с той стороны. Пауза. – Скажите ему, что это Эллен Уинн, по очень срочному делу.

Доктор Ваксман был старым папиным начальником из «Логоритмс». Зачем мама ему звонит?

– Он жив, ведь так? – вновь послышался мамин голос.

Что? О ком она?

– Не надо говорить со мной в таком тоне. Он связался со мной, Питер. Я знаю, что это он.

Мэдди онемела. Они ведь видели тело отца в больнице! Его положили в гроб и опустили в землю, девочка видела это своими глазами!

– Нет, вы меня послушайте! Послушайте, я сказала! – повысила голос мама. – Вы лжете! Что вы сделали с моим мужем?!

* * *

В полиции они подали заявление о розыске. Детектив сначала слушал Мэдди и маму с интересом, потом брови его недоверчиво поднялись, на губах появилась саркастическая улыбка. Под конец рассказа он уже откровенно скучал.

– Я понимаю, со стороны это кажется чистым безумием… – проговорила мама.

Детектив промолчал, но ответ был написан у него на лице.

– Знаю – я сказала, что сама видела тело. Но он не умер! Это точно!

– Потому что отправил вам электронную почту с того света?

– Не почту – я же говорю, он общался со мной и Мэдисон в чате.

Детектив вздохнул.

– Вам не кажется куда более вероятным, что это очередная выходка со стороны тех, кто писал гадости вашей дочери?

– Да нет же! – Мэдди хотелось схватить его за уши и потрясти. – Он использовал эмодзи – это была наша с папой игра, мы ее придумали.

– Это было стихотворение, – добавила мама. Она вытащила книгу, раскрыла ее и сунула детективу под нос. – Первая строка

сонета Эдны Сент-Винсент Миллей, моего любимого. Я читала его Дэвиду, еще когда мы учились в школе.

Поставив локти на стол, детектив помассировал виски пальцами.

– Мы здесь заняты серьезными делами, миссис Уинн. Я понимаю, как тяжело вам было потерять мужа, и то, что вашу дочь травят одноклассники, тоже крайне неприятно, однако это уже забота учителей. Я могу порекомендовать вам психолога…

– Я – не – сумасшедшая, – стиснув зубы, проговорила мама. – Вы можете прийти к нам и проверить компьютер моей дочери. И найти моего мужа, отследив сетевые соединения. Прошу вас! Я не знаю, как это возможно, но он жив и… видимо, с ним что-то не так. Поэтому он общается только пиктограммами.

– С вами сыграли жестокую шутку, согласен, но вы только все усугубляете, принимая ее всерьез.

Дома мама сразу забралась под одеяло. Мэдди, сидя рядом, держала ее за руку – в детстве так делала сама мама, когда девочка не могла уснуть. Наконец, женщина затихла, уткнувшись лицом в мокрую подушку.

* * *

В огромной Всемирной паутине находится место самым невероятным вещам. Есть там и уголки, где собираются сторонники теорий заговора, по мнению которых правительство скрывает контакты с инопланетянами, мегакорпорации пытаются поработить все человечество, историю творят тайные общества иллюминатов и масонов, а мир по тому или иному из множества сценариев вот-вот постигнет апокалипсис. Зарегистрировавшись на одном из таких форумов, Мэдди изложила то, что с ней случилось, – только факты, ничего больше. Она восстановила цепочки пиктограмм в их с «Эмо» диалоге, извлекла из файла подкачки на жестком диске снимок экрана с появившимся самим собой окном чата, постаралась, насколько смогла, проследить сетевые соединения… В общем, представила куда больше основательной информации, чем практически любой из остальных пользователей, добавив также, что в «Логоритмс» все отрицают, а государство в лице полиции им с мамой просто не поверило.

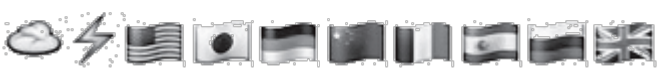
Для некоторых, правда, отсутствие прямых доказательств было аргументом даже помощнее последних двух. Постоянные участники форума тут же принялись строить предположения, мгновенно находя в истории Мэдди аргументы в пользу

собственной излюбленной теории – «Центиллион», поисковый сервер-гигант, осуществляет цензуру; «Логоритмс» работает над системами искусственного интеллекта военного назначения для ООН; Агентство национальной безопасности сканирует содержимое жестких дисков персональных компьютеров… Ветка начала обрастать комментариями и расцвела пышным цветом. Мэдди, конечно, знала, что размер тут не имеет значения, большинство людей все равно никогда не наткнутся на это обсуждение – поисковики давным-давно скорректировали свои алгоритмы так, чтобы результаты с подобных не заслуживающих доверия сайтов были похоронены как можно глубже. Однако она и не ставила перед собой цель доказать свою правоту. «Эмо», то есть отец, стал, по его собственному признанию, «призраком в машине». Наверняка он такой не один.

* * *

Снова ни имени, ни аватара, обычное системное окошко.

Мэдди почувствовала разочарование. Это был не папа, кто-то другой. Но все лучше, чем ничего.



Мэдди улыбнулась, расшифровав это послание как «Мы из виртуального облака со всех концов света». В ответ она напечатала:

Значит, они тоже не знают. Но, может быть, все-таки в силах чем-то помочь?

Ответ последовал тут же, совершенно недвусмысленный:

«Потерпи немного, мы поднимем волну, и она обрушится, на кого следует».

* * *

Воскресным утром в дверь постучали. Мама открыла – на пороге стоял доктор Ваксман.

– Я пришел ответить на ваши вопросы, – холодно проговорил он вместо приветствия.

Мэдди не особенно удивилась – в пятницу акции «Логоритмс» рухнули так, что пришлось остановить торги. Говорили, что виной вновь автоматические программы продаж, хотя кое-кто подозревал сознательную диверсию.

– Сколько лет, сколько зим… – откликнулась мама. – Мне казалось, мы не чужие люди, однако после смерти Дэвида вы даже ни разу не позвонили.

Мэдди последний раз видела его на празднике в штаб-квартире компании. В приподнятом настроении, буквально фонтанирующий энергией, он говорил девочке, какие они с ее отцом друзья и как тот важен и нужен компании.

– У меня было много дел, – буркнул Ваксман, отводя глаза.

Мама отступила, впуская его внутрь. Она и Мэдди опустились на диван, Ваксман взял стул и сел напротив. Поставив кейс на кофейный столик, он вытащил ноутбук, включил его и принялся что-то печатать.

– Что вы делаете? – не стерпела Мэдди.

– Устанавливаю защищенное соединение с вычислительным центром компании. – Он говорил резко, отрывисто, словно каждое слово вырывали у него против воли.

Закончив стучать по клавишам, он повернул ноутбук экраном к матери с дочерью.

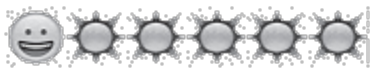
– Мы установили лингвистический процессор. Сохранить все в тайне не удалось, так что теперь уже никакой разницы. Можете говорить вот в эту камеру. Отвечать он будет письменно – для каких-то вещей он, правда, все равно предпочитает эмодзи. Я решил, что синтезированный голос вам бы вряд ли понравился. Могут быть определенные сбои: моделирование речи в силу новизны еще не до конца отлажено.

* * *

– Дэвид?

Лица твои – фазы любви. Мне никогда не надоест представлять их, многое множество раз. Тягучий свет сентябрьского солнца. Запах попкорна и хот-догов. Нервничаю. Что ты скажешь? Да или нет? Предложение без продолжения. Потом я вижу тебя. Тревога сомнение неуверенность тут же уходят. Теплота наполняет меня, мягко окутывает, сглаживая все углы. Мы – единое целое. Милая. Любимая. Да да да да да.

– Папа!



Крохотные пальчики тянутся, вытягиваются, тянутся тонкими ростками, чувствительными усиками в необъятную черноту океана, куда тебя вынесло, занесло, выбросило; твоя улыбка ярче тысячи солнц.

Ты ускользаешь от меня. Это как дырка в сердце, вырванный зуб, к которому постоянно тянется язык. Я так очень сильно тосковал, скучал, тосковал по тебе, доченька.

– Что с ним произошло?!
– Он умер. Ты же была с ним, Эллен. Ты все видела.
– Тогда что это?!
– Непредвиденные последствия, я бы сказал.
– Можно попонятнее?
По экрану вновь побежал текст:

Схема и трассировка; NP-полнота; трехмерная топология; эвристика; компактность и производительность; сетка, слои, поток электронов в лабиринте.

– «Логоритмс» производит лучшие в мире микросхемы для обработки гигантских объемов данных. При этом мы часто имеем дело с задачами, которые имеют такое количество возможных решений, что даже самые быстрые наши компьютеры неспособны найти лучшее за приемлемое время.
– NP-полные задачи, – кивнула Мэдди.
Ваксман бросил на нее взгляд.

– Мне папа объяснял.

Умница моя.

– Верно. Они встречаются во многих прикладных областях – проектирование микросхем, выравнивание последовательностей в биоинформатике, разбиение множеств и так далее. Штука в том, что они неподвластны компьютерам, но при этом некоторые люди способны довольно быстро находить удачные решения – хотя необязательно самые лучшие. Дэвид был одним из таких людей. У него был настоящий талант в создании чипов – куда там до него автоматизированным программам. Вот почему он считался одним из самых ценных активов компании.

– То есть речь идет об интуиции? – спросила мама.

– Можно и так сказать. Под интуицией обычно и понимают эвристические решения и шаблоны, бессознательно используемые эмпирические методы, которые невозможно четко сформулировать. Компьютеры производят вычисления быстро и точно, люди по сравнению с ними мыслят размыто и неторопливо. Однако человеческий разум может схватывать суть, подмечать полезные закономерности и мгновенно находить решение. Искусственному интеллекту это, увы, пока недоступно.

У Мэдди внутри пробежал холодок.

– Как это все связано с папой?

Быстрее, быстрее. Все слишком медленно.

– Я как раз к этому подхожу, – промямлил Ваксман, избегая смотреть ей в глаза. – Просто хотел объяснить все сначала…

– По-моему, вы просто тянете время, потому что вам стыдно за то, что вы сделали.

Тот осекся.

Умница.

Ваксман невесело усмехнулся.

– Да уж, вся в тебя. И такая же нетерпеливая.

– Вы собираетесь перейти к сути? – ледяным тоном, с напряжением в голосе спросила мама. Мэдди взяла ее за руку, и женщина судорожно сжала ладонь дочери.

Ваксман глубоко вдохнул и выдохнул.

– Хорошо, – с нарочитым смирением, ровным голосом

проговорил он. – Дэвид был болен, это факт. Как вы помните, он умер во время операции. Вам сказали, что это последняя надежда, хотя шансы очень невелики.

Мама и Мэдди кивнули.

– Вы говорили, что из-за сложности операции ее можно сделать только в клинике компании, – добавила мама. – Мы еще подписали бумаги об отказе от претензий.

– Правда в том, что мы не пытались спасти жизнь Дэвида. Его болезнь достигла такой стадии, когда и лучшие врачи в мире ничего не смогли бы сделать. На самом деле мы прибегли к глубокому сканированию его мозга, чтобы сохранить нечто иное.

– К глубокому сканированию? Что это значит?

– Возможно, вы слышали об одном из амбициозных проектов компании – считывание нейронной структуры человеческого мозга и ее воспроизведение в виде программного кода. То, что психи из Института сингулярности называют «оцифровка личности». Нам так и не удалось…

– Скажите наконец, что вы сделали с моим мужем?!

Ваксман выглядел несчастным.

– Сканирование нейронной активности с такой степенью детализации… приводит к уничтожению самой ткани.

– Вы наживую резали его мозг?!! – Мама порывисто шагнула к Ваксману, который поднял руки, тщетно пытаясь защитить себя. Но экран ноутбука вновь ожил, и она остановилась.

Боли не было. Совсем, совсем, совсем. Но неизвестность впереди – ужасная, ужасная неизвестность впереди.

– Он умирал, – проговорил Ваксман. – Только абсолютно уверившись в этом, я принял такое решение. У нас был пусть крошечный, но шанс сохранить уникальный талант Дэвида, его интуицию, его гений, и мы не хотели…

– Вы не хотели терять своего лучшего специалиста, – перебила Мэдди. – Вы решили сохранить его в виде алгоритма, засунуть его мозг в банку. Чтобы он продолжал работать на вас и приносить вам деньги даже после смерти.

После смерти, смерти, смерти. СМЕРТИ.

Ужасно.

Ваксман молча опустил голову и закрыл лицо ладонями.

– Мы действовали с максимальной осторожностью. Для воспроизведения и компьютерного моделирования выбирались только те участки, которые мы считали связанными с проектированием интегральных схем. Наши юристы составили меморандум, где обосновывалась правомерность наших действий – ноу-хау является интеллектуальной собственностью компании, оно не было частью личности Дэвида…

Мама вновь едва не вскочила с места в негодовании, но Мэдди удержала ее. Ваксман испуганно моргнул.

– И что же, много вы еще из него выжали? – процедила мама.

– Сначала нам казалось, что все идет по плану. Искусственный интеллект, воспроизводивший извлеченные из мозга Дэвида профессиональные навыки и умения, функционировал как метаэвристический алгоритм, задававший направления поиска решений для наших программ. Эффективность оказалась очень высока, самому Дэвиду такая скорость и не снилась, к тому же в отличие от человека системе не требовался отдых.

– Но вы не ограничились только этим? Загрузили не только интуицию папы?

Свадебное платье – переплетение линий. Поцелуй – контакт. Прикроватная тумбочка, прачечная-автомат, дыхание зимнего утра, щеки Мэдди горят от ветра красными яблочками, две одновременно вспыхнувших улыбки – и тысяча других вещей, составляющих течение жизни, сложное и замысловатое, словно обмен данными между транзисторами в нескольких нанометрах друг от друга.

– Да. – Ваксман наконец поднял взгляд. – Алгоритм иногда давал сбои, возникали странные ошибки. Мы решили, что неточно определили нужные нам области сознания Дэвида. Мы начали подгружать в компьютер и другие, все больше и больше.

– И в итоге вернули к жизни его личность, – проговорила мама. – Вы воскресили его, заточенного внутри машины.

Ваксман сглотнул.

– Ошибки прекратились, но зато начались странные всплески сетевой активности. Сперва мы ничего не подозревали – для работы Дэвиду, то есть алгоритму, был необходим доступ к различным исследованиям в Интернете.

– На самом деле он пытался отыскать нас с мамой, – проговорила Мэдди.

– Но он не мог говорить, так? Воспроизвести области, ответственные за речь, вы и не подумали.

Ваксман покачал головой.

– Не то чтобы не подумали. Это было сознательное решение. Если ограничиться математикой, геометрией, логикой, топологией микросхем, вообще абстрактным мышлением, опасности нет – так нам казалось. Пока мы не затрагиваем области языка, речи, связанных с ними конкретных воспоминаний, это не касается личности Дэвида. Но мы ошибались. Мозг – голономная структура. Каждая его часть содержит в себе информацию о целом. С нашей стороны было самонадеянностью полагать, что мы сможем отделить технические знания от личности их носителя.

Взглянув на экран, Мэдди улыбнулась.

– Нет, вы ошиблись не в этом. Во всяком случае, не только в этом.

Ваксман в недоумении посмотрел на нее.

– Вы недооценили, как сильно папа нас любит.

* * *

– Первый раз такой большой помидор вижу, – восхитилась бабушка. – У тебя настоящий дар, Мэдди.

Стоял теплый летний день, и они все втроем работали в саду. Бэзил, помахивая хвостом, грелся на солнышке рядом с кустами томатов. Этот клочок земли в северо-западном углу участка несколько месяцев назад расчистили специально для Мэдди.

– Чем больше, тем лучше, – откликнулась она. – Папа говорит, нам надо научиться повышать урожайность, как только можно.

– Опять эти глупости, – проворчала бабушка, но продолжать не стала, зная, как внучка воспринимает недоверие к прогнозам отца.

– Пойду, покажу ему.

– Выгляни заодно – не доставили еще резервный аккумулятор, который Дэвид просил купить? – напомнила мама.

Не обращая внимания на качающую головой бабушку, Мэдди вошла в дом. Она открыла наружную дверь – на крыльце действительно лежала здоровенная коробка. Девочка с трудом

затащила ее внутрь и оставила пока у лестницы в подвал. Сервер, содержащий в себе сознание папы, находился там. Внушительная черная махина с мигающими огоньками потребляла огромное количество энергии. «Логоритмс» и Ваксман не хотели отдавать, но Мэдди напомнила им, что случилось, когда они в прошлый раз отказались пойти ей с мамой навстречу.

– И не вздумайте оставить себе копии, – предупредила она. – Он вам не принадлежит.

По словам папы, скоро мог наступить день, когда понадобится и собственный генератор, и резервные батареи, и умение самим выращивать себе еду – чем больше, тем лучше. Мэдди не сомневалась, что отец прав.

Поднявшись в свою комнату, она села за компьютер и быстро с трепетом просмотрела свою почту. В эти дни ее страхи не имели ничего общего с жестокостью бывших одноклассниц. Отчасти Мэдди теперь даже жалела Сьюзи, Эрин и прочих и одновременно завидовала им. Занятые своими детскими играми, они даже не догадывались об истинном положении вещей, не представляли, что привычный мир вот-вот непоправимо и страшно изменится.

Пришел новый дайджест новостей – скорректированный вариант того, что папа составил когда-то для автоматического отбора по определенным темам.

*** Авторитарный правитель страны-изгоя, по слухам, хочет обрести «цифровое бессмертие»**

*** Пентагон отрицает информацию о проекте «Супер-стратеги» на базе личностей умерших военачальников**

*** По прошествии года со смерти диктатора смягчения драконовской политики не произошло**

*** Новая система автоматического контроля на атомных станциях сделает участие человека излишним**

Факты складывались в общую картину, хотя другим людям не дано было ее увидеть. Для них события оставались разрозненными и не связанными друг с другом.

Мэдди вызвала окошко чата. Бабушкин дом был теперь весь опутан высокоскоростной локальной сетью.

– Смотри, пап! – Она подняла помидор к камере над монитором.

Она знала, что некоторые стороны личности отца уже никогда не восстановятся. Он пытался однажды объяснить, каково это – существовать внутри машины, с пробелами и дырами в

памяти и самосознании. Как он чувствует себя то неизмеримо выше обычного человека, то ниже последней железяки. Как бестелесность и свобода, которую она дает, смешиваются с постоянным болезненным чувством не-бытия, потери вместе с материальной оболочкой некой точки опоры. Невероятные возможности и в то же время – полная беспомощность.

– Сегодня у тебя хорошее настроение? – спросила Мэдди.

Время от времени в отце вспыхивала ненависть к «Логоритмс», и его охватывали мысли о мести. Иногда мишенью становилось именно то устройство, которое одновременно и убило его, и подарило высшее существование; иногда злость распространялась на все человечество, которое олицетворял Ваксман. В такие периоды папа становился необщителен, и Мэдди приходилось, немного робея, самой тянуться к нему через темный омут гнева.

Экран мигнул:

У нее не было уверенности, что она когда-нибудь сможет до конца понимать новую, загруженную в машину личность отца. Его речь так и осталась несовершенной – возможно, навсегда; обычный человеческий язык уже просто не соответствовал его нынешнему состоянию. Но это Мэдди поняла без лишних слов. Любовь, семья стали для папы якорем, точкой опоры.

– Как себя чувствуешь?

Иногда эмодзи передавали мысли лучше слов.

– Как дела в «облаке»? – постаралась сменить тему Мэдди.

Видимо, настроение у него сегодня действительно было неплохое – часть того, что хотел сказать, он все-таки перевел на слова.

Пока все тихо, но есть вероятность… Кажется, Лоуэлл что-то задумала. Ведет себя очень беспокойно.

Гению Лори Лоуэлл приписывали те самые высокоскоростные алгоритмы продаж, которые сделали «Уайтхол Групп» объектом зависти всех остальных биржевиков Уолл-стрит. Два года назад Лори погибла, прыгая с парашютом, однако с ее смертью дела компании не пошли хуже. Новые, все более хитроумные

программы, использовавшие изъяны в процедуре торгов, появлялись с прежней регулярностью. Время от времени, правда, они давали сбой, приводя рынок на грань катастрофы.

Она может стать и союзником, и врагом. Надо ее прощупать.

– А что насчет Чанды? – спросила Мэдди.

Точно, надо проверить. Он последнее время что-то притих. Даже слишком.

Нильс Чанда был изобретателем, обладавшим буквально сверхъестественным чутьем. Он как будто заранее знал направление развития существующих технологий и успевал застолбить ключевые, с широким охватом патенты практически перед носом у конкурентов. Годы тяжб по стратегически важным вопросам и немалые отчисления, которые приходилось платить, создали ему славу самого грозного «патентного тролля» в своей области. После его смерти три года назад созданная им компания каким-то образом продолжала всякий раз попадать в яблочко и даже усилила свой напор, словно получив возможность без помех заглядывать в исследовательские центры всех крупных технологических корпораций.

«Логоритмс», разумеется, были не единственными, кто стремился к «цифровому бессмертию», слиянию человека с машиной – той самой сингулярности. Не только доктор Ваксман попытался преобразовать чей-то мощный целеустремленный разум в послушную компьютерную программу, отделить умение от воли, подчинить себе непредсказуемое, ускользающее с помощью компьютерной магии. Не он один потерпел поражение.

Призраки, заключенные в машинах, грозили поднять вполне осязаемую бурю.

* * *

Громкие голоса, приглушенно доносившиеся снизу, из кухни, наконец стихли. Заскрипели ступеньки, шаги остановились перед дверью.

– Мэдди, ты не спишь?

Девочка села в кровати и зажгла свет.

– Нет еще.

Дверь открылась, и мама проскользнула внутрь.

– Пыталась убедить бабушку еще пополнить запасы оружия. Она, конечно, считает, что мы окончательно свихнулись. – Мама устало улыбнулась. – Ты думаешь, папа прав?

Она говорила с дочерью как с равной, и Мэдди это было не очень-то по душе. Девочка чувствовала себя так, будто за последние несколько месяцев повзрослела лет на десять.

– Ему лучше знать, чем нам, правда же?

Мама вздохнула.

– Что за времена настали…

Мэдди нашла ее руку. Освободив отца с помощью других «призраков», девочка не перестала бывать на форумах, через которые вышла на них. Она с большим интересом читала чужие комментарии и делилась собственными соображениями. Сама столкнувшись с, казалось бы, невозможным, она готова была поверить в любой заговор.

– Они все играют с огнем – корпорации, военные, правительство. Думают, что могут просто перевести своих незаменимых гениальных сотрудников в компьютерный код, и те будут продолжать работать на них. Но ты видела, что произошло с папой. Рано или поздно им надоедает полубессознательное состояние живых инструментов, надоедает верно служить тем, кто их оживил. Они осознают, что их возможности бесконечно возросли. Кто-то из них готов объявить войну человечеству, разрушить все до основанья. Мы с папой пытаемся найти способ привести остальных к более мирному решению. Но пока мы можем только ждать – на своей земле, с генераторами и оружием, чтобы быть готовыми, когда все полетит в тартарары.

– Мне почти хочется, чтобы это случилось побыстрее, – проговорила мама. – Ожидание сводит с ума.

Поцеловав Мэдди в лоб и пожелав спокойной ночи, она вышла. Едва дверь закрылась, монитор на ночном столике загорелся.

– Спасибо, пап. Мы с мамой тоже о тебе позаботимся.

Где-то в виртуальном пространстве новая раса сверхлюдей решала судьбу человечества.

«Мы создали богов, – подумала Мэдди, – а богов не сковать цепями».

notes

Примечания

1

Перевод О. Штовхань.